

ФРОНТОВОЙ ХИРУРГ

гада была расформирована. Моряки ушли во флот, а из остальных была вновь создана 23-я дивизия. В ее составе мы дошли до Киева, форсировав Днепр, на участке Корсуньско-Шевченковского направления. После освобождения Житомира наша дивизия стала именоваться Киевской, Житомирской, Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова. Дальше нелегкий путь лежал через Белоруссию, Латвию и Польшу. Затем уже тяжелые бои за Берлин.

В Варшаве мне с Багратам Мурадовичем суждено было расстаться. Я должна была остаться здесь с тяжелоранеными, а затем, уже в составе другой дивизии, двигаться дальше. С тех пор мы больше с ним не виделись. И вот теперь, спустя почти сорок лет после окончания войны, я приехала впервые в Армению, а надежде встретиться со своим фронтовым товарищем, но... опоздала. Опоздала на два месяца...

С дочерью хирурга, врачом — Джулией Акунц — с Еленой Яковлевной пришли мы солнечным весенним днем на городское кладбище, к могиле Баграта Мурадовича Акунца. Яркие цветы, принесенные ею, покрыли могилу однополчанина...

А. КАЛАНТАР.

духа даже в тех случаях, когда рядом, в непосредственной близости, разрывались вражеские бомбы. К молодым относился по-отечески, проявлял заботу и внимание. Занимался с медперсоналом как политической, так и медицинской подготовкой.

...20 июля 1942 года мы отступали от Ростова-на-Дону. Наша 76-ая морская дивизия вступила в тяжелый бой с противником. Стали поступать раненые. Медсанрота располагалась в селе Солтан-Сола, операционный блок — в двухэтажном деревянном доме.

В три часа пополудни началась бомбежка. Как раз в это время на втором этаже мы готовились к операции раненых. Хирург Акунц, врач-ассистент Полянская и я, медсестра, в предоперационной мыли руки. В течение нескольких секунд две вражеские бомбы попали прямо в дом. В мгновение ока все перемешалось, взрывной волной нас выбросило из дома, засыпало землей. Дом был полностью разрушен. Кружилась голова, в ушах звенело, начался сильный кашель. Мы были контужены. Сквозь грохот разрывающихся то здесь,

то там бомб до нас долетел приказ Акунца: вынести во что бы то ни стало оставшихся в живых раненых, хирургические инструменты и перевязочные материалы...

Раненых часто оперировали в лесу, под открытым небом. Лишь сверху-натягивали оставшиеся от палаток куски брезента. Всего несколько километров отделяло нас от линии фронта.

Однажды в горах наши разведчики захватили немецкого шпиона. С большим трудом им удалось его обезоружить. Фашист был тяжело ранен в обе ноги и потерял много крови. Его необходимо было спасти любой ценой, он нужен был живым. Требовалось срочное переливание крови. Но откуда ее взять? Кто согласится дать свою кровь гитлеровцу, еще сегодня убивавшему наших солдат? Ненависти нашей к нему не было предела. Но сейчас поддаваться этому чувству было нельзя.

Первым свою кровь дал Акунц, потом я и две другие медсестры. Борьба за его жизнь продолжалась еще трое суток, после чего наступило значительное улучшение. В ко-

роткий срок фашист был выведен из критического состояния и доставлен в штаб армии. Немецкий разведчик дал ценные сведения, а Баграт Мурадович был награжден медалью «За боевые заслуги». В конце 42-го в числе других и я была удостоена такой же награды, а по рекомендации товарища Акунца, который был секретарем партийной организации нашей роты, принята в ряды КПСС без кандидатского стажа.

Широкая фронтовая слава пришла к Багратам Мурадовичу в один из дней 1944 года, когда наши войска вели уже наступление по всему фронту.

Моя собеседница берет со стола толстую папку, в ней собраны вырезки из фронтовых газет со статьями, посвященными Багратам Мурадовичу.

Елена Яковлевна достает одну из них и читает вслух: «В горячем бою был ранен боец Иван Курбатов. Он дрался храбро и в решающую минуту боя совершил высокий солдатский подвиг — телом своим прикрыл амбразуру фашистского дзота. Подразделение продвинулось вперед, выпол-

нив задание. Герой-победитель чудом остался живым, получив тяжелое ранение. С мертвенно-бескровным лицом лежал он на носилках. Врач Акунц осматривал рану, опытный хирург был молчалив и сосредоточен. Он решал трудную задачу. По всем учебникам и правилам раненому нужно было ампутировать ногу. Но это значило сделать его инвалидом, вывести из строя. А врач Акунц прибегает к ампутации в исключительных случаях. Он считает своим долгом не только спасти жизнь, но и сохранить трудоспособность воину.

И вот врач идет на обдуманый риск. Вместо ампутации ноги делает широкий «лампасный» разрез голени, удаляет пораженные ткани, заботливо и кропотливо очищает рану.

Проходят дни, недели. Курбатов поправляется. А еще через некоторое время здоровым и бодрым, овеянный славой возвращается в свою родную роту.

Сколько таких молодых жизней спасли золотые руки Акунца!..»

— Зимой 43-го, — продолжает свой рассказ Е. Я. Зоткина, — в Воронеже наша бри-

— Здравствуйте, я Елена Яковлевна Зоткина, операционная медсестра. — И пожилая женщина, дрожащими от волнения руками, протягивает удостоверение участника Великой Отечественной войны.

— Родилась я в Ленинграде. Получила медицинское образование. Вышла замуж за слушателя Ленинградского высшего военно-морского училища имени Фрунзе. Первый день войны застал нас в Севастополе. 14 марта, в бою под Ростомом, муж погиб. Узнав об этом, я пришла в военкомат с просьбой направить меня в медсанроту той бригады, в составе которой он воевал. Просьба была удовлетворена. Я стала работать операционной сестрой.

Здесь впервые и встретилась с ведущим хирургом медсанбата Багратам Мурадовичем Акунцем. Это был удивительный человек. Скромный, доброй души, мужественный, с неиссякаемым чувством юмора. Он не терял присутствия